

НАУЧНАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ КАК ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ

Ю.В. Гилясев

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

(Санкт-Петербург, Россия)

sweatled@front.ru

В исследовании рассматривается нейро-лингвистическое программирование (НЛП) как вид общественно значимой практики, концептуальные и методологические основания которой возможно установить, обратившись к анализу ее дискурсивного воплощения. Идентификация и оценка данного направления психологии как прикладной области знаний строится на основе сопоставления взглядов и мнений, выражаемых экспертами-представителями смежных направлений гуманитарного знания относительно академичности и теоретической обоснованности подходов, избираемых авторами многочисленных методик НЛП. Особое внимание уделяется анализу пропозиций, дающих определение направлению, а также выявлению авторских пресуппозиций, их адекватности и валидности в контексте научного и обывательского мировоззрения. Благодаря экспликации исходных посылок адресанта можно сделать вывод о прагматических установках коммуникатора, идеологической стороне его концепции, характеристиках НЛП как дискурсивной и общественно-социальной практики, ее месте и статусе в ряду других современных форм и форматов социальной интеракции. Результаты анализа частного дискурса демонстрируют конгруэнтность прагматических ориентаций НЛП основным тенденциям постмодернистского общества потребления. Типичные постмодернистские способы вербализации мысли, в виде стилизации дискурса, его вариативности и гибридизации, проявлены в анализируемых примерах. Материалом исследования стало учебное пособие по НЛП на английском языке. Критический дискурс-анализ как глобальный подход к раскрытию проблематики нашел свое воплощение в частных методах контекстуального анализа, методе интерпретации языковых фактов, дефиниционном анализе, а также статистическом методе, представленном онлайн-анкетированием и количественным подсчетом.

Ключевые слова: дискурс-анализ, нейро-лингвистическое программирование, НЛП, дискурсивная практика, практическая психология, дискурсивные стратегии, прагматика дискурса

1. ВВЕДЕНИЕ

Сегодня в центре внимания большинства лингвистических исследований оказались дискурсивные практики, способные динамично отражать и выделять многообразные параметры, свойства, состояния не только текущей речевой ситуации, но и институциональной конъюнктуры. Сквозь призму дискурса просматриваются формально вербализуемые смыслы и коннотации инициаторов тематической коммуникации, а функциональный анализ и критическое осмысление их речевых действий раскрывает концептуальные и идеологические установки, ценности и ориентации как отправителей, так и получателей речевого контента.

Описание разновидностей институционального дискурса и их прагматики стало объектом многих работ, вышедших в свет в последнее десятилетие. Интерес к данной проблематике можно объяснить активно развивающимися в обществе процессами формализации отношений в той или иной сфере и одновременным осознанием специфики коммуникации в рамках данных отношений. Большинство лингвистов безоговорочно выделяется целый ряд институциональных дискурсов, включающих в свой состав субдискурсы. Так, вполне естественной выглядит терминологическая вариативность при определении конкретной разновидности дискурса или смежных

дискурсивных областей (напр., образовательный vs. педагогический или академический vs. научный дискурсы). Более проблематичным видится вопрос о сущностных признаках, прагматических установках, институциональной сформированности этих речевых практик.

В связи с ускорением научно-технического прогресса, а также доминированием технократического мировоззрения в науке и обществе возникает необходимость а) популяризации освоенного знания, б) его адаптации и практического применения в контексте текущих потребностей. Практически все отрасли теоретического знания развивают сегодня прикладные исследования в соответствии с социальным запросом. Одним из ярких примеров обращения науки к нуждам людей можно считать многочисленные направления практической психологии – от более академических в виде психотерапии или психологического консультирования до менее научных или вовсе псевдо-академических, представленных авторскими методиками и парапсихологическими исследованиями. Спорным с позиции классической психологии является и статус нейролингвистического программирования (НЛП), представленного в разных источниках как метод, подход, отдельная научная область, мета-наука. В рамках настоящей статьи предлагается взглянуть на НЛП с лингвистических позиций, оценив его на уровне дискурсивной практики. В частности, настоящее исследование сосредоточено на определении институционального статуса знания, сообщаемого специалистами по НЛП в том числе посредством пресуппозиций и пропозиций аксиоматического содержания. Анализ диктумной части последних с учетом их контекстуального употребления поможет охарактеризовать научную аутентичность выделяемой к рассмотрению области.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Как и большинство современных прикладных форм психологии, нейролингвистическое программирование представляет собой сочетание ряда теорий (как психологического, так и иного содержания), переосмысленных и творчески переработанных под конкретные задачи. В задачи данной статьи не входит исторический обзор становления НЛП как направления, который можно почерпнуть из общедоступных источников. Более значимым представляется характеристика нынешнего статуса практики, данная от лица экспертного сообщества.

Закономерной выглядит позиция самих авторов курсов НЛП, считающих и представляющих свои разработки научно обоснованными. Подтверждение тому будет представлено ниже, в том числе в разделе «Наблюдения». В этой связи заслуживают внимание оценки сторонних психологов и практиков, предлагающих независимое суждение о степени научной аутентичности методики НЛП.

Среди специалистов из области психологии есть те, кто занимает утвердительную позицию в отношении академичности НЛП-практик [Баксанский, 2007; Елецкая, 2009; Прокопьева, 2008]. Некоторые подчеркивают интегративный характер теоретической базы, многофункциональность и универсальность НЛП, применяя такие определения, как мета-знание и мета-наука [Ковалев, 2002; Обухова, 2016]. В отдельных работах уточняется, что «НЛП не позиционируется в качестве теории или академической науки об опыте» [Николаев, 2015, с. 173], указывается на «подчеркнутую атеоретичность НЛП, почти намеренный отказ от систематического методологического осмысления накопленного этой наукой опыта» [Ковалев, 2002, с. 9-10], а само НЛП определяется как комплекс разнотипных психотехник [Скородумова, 2019]. Встречаются и более либеральные взгляды на проблему, предлагающие не рассматривать направление как научную или философскую концепцию, к которой,

следовательно, не применим традиционный инструментарий выявления научности, а требуется обращение к критериям эффективности и пользы [Елецкая, 2009, с. 3-5].

Более скептически оценивают научный статус НЛП представители смежных с психологией областей гуманитарного знания (см., напр., [Белянин, 2004; Моисеева, 2015]). Ряд авторов, описывая статусные характеристики направления, применяют помимо прочих эпитеты «искусство» [Ежова, 2014, с. 164], «мастерство», «волшебные техники» [Смолова, 2017, с. 55-56].

В стремлении отразить нападки критиков НЛП его сторонники поясняют: «Поверхностный анализ, свойственный обыденному сознанию, прочно отождествляет это когнитивное направление с разного рода манипулированием сознанием и поведением других людей, с некой магией, что приводит к выхолащиванию глубинного смысла концепции. Внимание сосредотачивается на внешних эффектах, манипуляционных психотехнологиях и злоупотреблениях» [Баксанский, 2007, с. 104]. Стоит, однако, заметить, что эта и ей подобные точки зрения обычно выражаются авторитетными в области психологии лицами, имеющими вместе с тем непосредственное отношение к практике НЛП и являющимися сертифицированными тренерами (напр., С.В. Ковалев – доктор психологических наук, доктор философии, академик Международной Академии Информатизации, О.Е. Баксанский – доктор философских наук, профессор). Данные факты могут говорить о личной и профессиональной заинтересованности «защитников» НЛП как обоснованно научной дисциплины даже с учетом ее прикладного характера.

Проблема идентификации статуса НЛП отражается в проблеме жанровой диффузности соответствующего дискурса, что типично для недавно оформившихся (или находящихся в процессе становления) форм и разновидностей речевых практик эпохи постмодерна [Maug, 2015, p. 766]. Особенно ярко жанро-стилевая вариативность проявляется в научно-популярном направлении большинства научных дискурсов, постепенно проникая и в собственно академическую сферу общения [Брусенская, 2019]. Условно причисляя НЛП к практическому направлению психологии, можно смело заявить, что соответствующий дискурс ассоциируется с научно-популярным дискурсом, для которого характерным является четко оформленная авторская позиция эксперта-транслятора знания.

Настоящее исследование исходит из посылки субъективации любого (в том числе научного) дискурса, особенно в групповой динамике и коммуникативном поведении, когда зачастую наблюдается «столкновение индивидуальных интерпретаций одних и тех же воспринимаемых событий или информации о них» [Ксенчук, 2011, с. 97]. Множественные факторы – лингвистического и экстралингвистического характера – оказывают влияние на реализацию формальной, содержательной и концептуальной сторон речевой коммуникации. Популяризуемое знание в большей степени претерпевает деформацию, которую невольно или умышленно осуществляет интерпретатор. В подобных случаях речь уже действительно, как указывается в [Sornig, 1989, p. 95], не идет о сообщении истинных сведений, а о способе их представления аудитории. В работах по критическому дискурс-анализу подчеркивается, что значительный вклад в логику и семантику дискурса вносят пресуппозиции и импликации, формируемые адресантом с целью утверждения «фактов», не обязательно соответствующих действительности [Van Dijk, 2015, p. 473]. Таким образом, можно утверждать, что дискурс популярной психологии, в т.ч. НЛП, предполагает отход от фактологической достоверности, усиление субъектно-личностной позиции коммуникатора, и, как следствие, навязывание реципиенту частного мировоззрения, что связано с вопросами контроля и доминирования в социальной среде.

3. МЕТОДОЛОГИЯ

Для исследования заявленной проблематики был выбран подход, традиционно применяемый в критическом дискурс-анализе для выявления скрытых идеологических установок, формирующих и идентифицирующих различные виды дискурса, в том числе институциональные. Критический дискурс-анализ имеет междисциплинарный характер, при котором данные лингвистического исследования служат социологическому описанию рассматриваемого феномена, что позволяет полнее осмыслить комплексные явления в обществе, такие как манипуляции сознанием или доминирование. Избранный подход реализуется посредством метода контекстуального анализа, интерпретационного метода, элементов дефиниционного анализа, а также статистического метода, представленного на одном из этапов исследования в виде онлайн-анкетирования с последующим количественным подсчетом. Материалом исследования (образцом НЛП-дискурса) послужило практическое пособие Джозефа О'Коннора [O'Connor, 2002].

По результатам дискурс-анализа текстового материала была выдвинута гипотеза: пропозициональная установка коммуникатора в НЛП-дискурсе формируется произвольно, а точнее прагматически ориентированно, на основе субъективно отобранных пропозиций. Сделано предположение о том, что сформулированная аналогичным образом альтернативная пропозиция, отмеченная теми же стилевыми и регистровыми признаками, может произвести схожий коммуникативный эффект, в частности реализовать прагматику убеждения, идентичную исходной.

Из разных фрагментов текста, подвергнутого анализу, были отобраны 5 предложений, выражающих условно исходные пропозиции. Для каждой из них были сформулированы альтернативные пропозиции, структурно и стилистически имитирующие исходные:

a.1 We move between different emotional states throughout the day [O'Connor, 2002, p. 86].

a.2 A dominant emotional state controls our behavior all day.

b.1 Telling a child to stop crying is not usually effective; they would if they knew how to [ibid., p. 80].

b.2 Saying becalming words to a crying child has a soothing effect.

c.1 Curiosity allows you to stay open to choice and possibility [ibid., p. 228].

c.2 Curiosity killed the cat.

d.1 No problem exists in isolation; problems need people to have them [ibid., p. 248].

d.2 Problems are the result of the world's imbalance and imperfection.

e.1 We may not know what time is, but we know how to measure it [ibid., p. 248].

e.2 Time is what you can't experience directly.

Информантам предлагалось выбрать более убедительное утверждение (Choose the statement that seems to you more convincing). В онлайн-анкетировании приняло участие более 100 человек. Для анализа было отобрано 50 анкет, в которых респонденты на вопрос о предпочтительном для них языке коммуникации (Which language do you feel most comfortable speaking?) дали ответ «Английский язык» (English). Статистика ответов по территориальной отнесенности респондентов: 21 – Соединенное королевство, 10 – Соединенные штаты Америки, 5 – Филиппины, 2 – Индия, 2 – Швеция, по одной анкете от представителей Албании, Бельгии, Хорватии, Чехии, Грузии, Ирландии, Израиля, Ливана, Нидерландов, Турции. По половому признаку: 39 ответов дали мужчины, 11 – женщины. По возрастному признаку: 6 ответов – 18 лет и младше, 5 – 40 лет, 3 – 25 лет, самый возрастной участник – 76 лет. Среднее время заполнения анкеты: 2 мин. 6 сек.

Оценка убедительности высказывания информантами (распределение голосов):

a.1 – 39, a.2 – 11,

- b.1 – 13, b.2 – 37,
- c.1 – 46, c.2 – 4,
- d.1 – 27, d.2 – 23,
- e.1 – 38, e.2 – 11.

4. НАБЛЮДЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Одной из проблем, заявленных во введении статьи, является определение статуса НЛП как речевой и социальной практики. После предложенного теоретического обзора мнений специалистов следует установить позицию самого автора курса, ставшего объектом настоящего исследования. В работе на этот счет дается в традиционной научно-популярной манере (т.е. без указания конкретного источника) 8 определений (с указанием авторства) разных экспертов, часть из которых сформулирована в более научном стиле («NLP is the study of the structure of subjective experience» – анонимное авторство), тогда как другие – максимально упрощенно и компактно («‘NLP is whatever works.’ (Robert Dilts)») [O’Connor, 2002, p. 2]. Сам автор избегает определения этой области, предлагая вместо него телеологические и процессуальные формулировки и характеристики [ibid., p. 1-10]. Таким образом проявляется типичная для всего научно-популярного дискурса стратегия ухода от четкости определения каких бы то ни было позиций, установок, положений, что позволяет автору снять часть ответственности за результаты речевой интеракции (даже в опосредованной письменным текстом форме) и предложить на выбор реципиенту ряд формулировок, из которых последний может выбрать наиболее гармонирующее с собственным мировоззрением. Выражая это в терминах самого НЛП, читатель в процессе перебора вариантов прибегает к трансдеривационному поиску, отбирая сообщаемые ему смыслы и встраивая их в собственную ментальную модель мира. В контексте социологической проблематики такая тактика подачи дефиниций воплощает консьюмеристские тенденции, ассоциируемые с возможностью выбора из широкого набора (ассортимента) позиций. Процессы маркетизации, охватившие сейчас практически все социальные институты, отражаются в реструктуризации общественных отношений, в т.ч. на дискурсивном уровне [Maug, 2015, p. 766-768], однако это обширная проблема, которая подлежит отдельному обстоятельному исследованию и освещению.

Возвращаясь к анализу стратегии презентации НЛП читателю в анализируемом тексте, автор, руководствуясь методически объективными соображениями полноты описания объекта (иначе, сути методики НЛП), переходит к другой широко распространенной в научно-популярной литературе стратегии – нарративу. Значимость нарратива в социокультурной практике людей – отдельная область многочисленных научных изысканий, поэтому в связи с обсуждаемым здесь предметом исследования стоит ограничиться замечанием, что нарратив часто становится не только средством вербального воплощения события и его осмысления, но и инструментом контроля этого осмысления [De Fina, 2015, p. 161]. Предлагая читателю историю, автор устанавливает определенный вектор внимания. Учитывая разный уровень когнитивных способностей реципиентов, способных извлечь из истории те или другие импликации, следует заметить, что число предельно допустимых вариантов интерпретации смыслов все же ограничено, и, несмотря на избранную коммуникатором позицию отстраненности, косвенным образом он стимулирует к восприятию определенных образов, ассоциаций, связей между ними и логических умозаключений на их основе. С другой стороны, любая история, включаемая в содержание с целью наглядности, представляет собой аллегорию с всегда субъективной интерпретацией читателем смыслов, которые отбираются им на основании личного когнитивного опыта и ценностных предпочтений. Таким образом, коммуникатор, контролируя через дискурс магистральное развитие рассуждений и

последующих выводов, тем не менее стремится избежать ответственности (хотя бы за навязываемую им картину мира), придерживаясь типичной в психологическом консультировании позиции отстраненности.

В своем пособии автор описывает также т.н. философию НЛП, которая раскрывается через пресуппозиции – в данной работе это 13 утверждений без уточнения авторства, с комментариями к каждому из них. Такие комментарии можно расценивать как попытку логического обоснования их правомерности. Тем не менее, в явном (с констатацией препозитивности утверждений) или скрытом виде (в остальных частях текста, где пресуппозиции не эксплицированы) пресуппозиция остается «способом паралогической аргументации» [Ворошилова, 2007, с. 83]. С целью убеждения адресата в аксиоматичности заявленных положений автором используются распространенные в научно-популярном дискурсе риторические приемы манипуляции сознанием – отождествления с аудиторией (в сочетании с изобразительными речевыми средствами): «We navigate life like a ship through a dangerous area of sea» [O'Connor, 2002, p. 5], генерализации: «A person always makes the best choice they can, given their map of the world» [ibid.], безусловно неоспоримых логических выводов в форме ляпалиссиады: «The unconscious is everything that is not in consciousness at the present moment» [ibid.], подмены фокуса аргументации: «*The meaning of the communication is not simply what you intend, but also the response you get. This response may be different from the one you wanted, but there are no failures in communication, only responses and feedback*» [ibid., p. 6] (здесь логически акцент смещается с обоснования истинности утверждения на его смысловое развертывание), замены аргументации директивными речевыми формами: «Always try to have a map that gives you the widest number of choices» [ibid., p. 5].

Характеризуя научно-популярные тексты, проф. В.Е. Чернявская отмечает, что сообщаемое в них знание нельзя считать неквалифицированным при условии истинности и достоверности сведений и заключений, «полученных в ходе объективных научных исследований, но освобожденных при изложении неспециалисту от системно-связывающего контекста» [Чернявская, 2004, с. 42]. Однако, в авторстве, верифицируемости и истинности предлагаемых автором пресуппозиций приходится сомневаться.

С.В. Ковалев, один из видных представителей отечественного НЛП, делает оговорку: пресуппозиции не столько верны, сколько экологичны [Ковалев, 2002, с. 40]. Раздел, посвященный экологичности выдвинутых посылок, имеется и в анализируемом пособии. Онлайн-словарь Cambridge Dictionary дает дефиницию этого значения в своей тематической части Business English: «the relationship between the people working within a company or the relationship between different companies working together». В онлайн-словаре Collins находим схожее определение с большим объемом понятия: «the study of the relationships between human groups and their physical environment». Дж. О'Коннор определяет экологичность следующим образом: «Ecology is a concern for the overall system» [O'Connor, 2002, p. 7]. Уже на данном этапе, сравнив три дефиниции, можно отметить интерпретативность как исходное свойство пресуппозиции в рассматриваемом дискурсе: в обеих словарных дефинициях ядром выступает нейтральная лексема relationship, тогда как в пособии по НЛП – иная лексема (concern), содержащая в себе эмоциональный компонент (ср. concern – a worried or nervous feeling about something, or something that makes you feel worried [Cambridge Dict.]). Таким образом, автор представляет собственное толкование термина.

В разделе, посвященном понятию экологичности, автор образным языком, типичным для популярного издания, разъясняет смысл этого критерия в процессе применения психологической практики по отношению к себе (internal ecology) и к внешнему окружению человека. Стоит параллельно заметить, что стилистические

приемы, которыми так активно пользуются популяризаторы науки, психологи-практики, и которыми насыщен указанный ранее раздел, являются действенным средством манипуляции сознанием, позволяющим если не убеждать, то хотя бы успешно интерпретировать общеупотребимые нейтральные понятия в соответствии с прагматическими интенциями коммуникатора (см. об этом, напр., [Таирова, 2011]).

Возвращаясь к рассматриваемому разделу пособия, отметим, что на всем протяжении текста здесь сохраняется общехарактерологический модус изложения: читателю предлагаются разъяснения, какими средствами экологичность воплощается методологически. Несмотря на достаточное количество иллюстративного материала, автор не привязывает его к содержанию своей работы, не указывает, каким образом в данном пособии реализуется контроль за экологичностью процесса обучения НЛП. Из двухстраничного объема текста только одно предложение соотносит этот принцип с практикой («As part of an NLP technique, an ecology check ensures that NLP does not become manipulative, that your actions do not lead to your gain and another person's loss» [O'Connor, 2002, p. 7]): неопределенный артикль в предложении указывает на его обобщающий смысл, подразумевающий теоретическое представление принципа, и фактически не связывает понятие с дискурсом, в который оно включается. Подобная тактика нередко встречается в риторических жанрах, где имеет место манипуляция: там часто вербализация/декламация принципов, норм, идей и пр. замещает собой их необходимую имплементацию/соблюдение. Помимо этого, в данном определении заложена (сознательно или неосознанно) пресуппозиция, подразумевающая автором возможность манипуляции в НЛП-практике при несоблюдении принципа экологичности. Это имплицитное допущение видится значимым для характеристики дискурса НЛП и практической психологии в целом.

Даже на основании презентации курса НЛП в анализируемом пособии можно указать на субъективность и вариативность в отборе коммуникатором пропозиций, характеризующих идеологию психологической практики, её цель и задачи, ведущие методологические принципы. Оставляя в стороне крайне дискуссионный вопрос об интерпретационном характере гуманитарного знания в целом, обратимся к выяснению истинности посылок, формулируемых автором работы по ходу изложения в виде суждений-аксиом. Результаты онлайн-анкетирования, проведенного среди носителей языка с целью установить, являются ли авторские пропозиции относительно аксиоматичными, т.е. не зависящими от прагматических установок коммуникатора и безоговорочно признаваемыми большинством конвенциональной истиной, подразумевают следующие выводы.

1. Пропозиции, сформулированные автором пособия, кажутся информантам достаточно убедительными: на их явную аксиоматичность указывает выбор в парах *a*, *c*, *e*. Тем не менее, в паре *d* пропозиции выглядели для информантов в относительной степени одинаково убедительными (27 и 23 голоса). Только одно суждение коммуникатора оказалось недостаточно убедительным (в паре *b* – 13 и 37 голосов в пользу тестового утверждения).

2. Недостаточная убедительность суждения коммуникатора в варианте *b* можно объяснить, принимая во внимание результат в паре *c*: более неформальный способ выражения мысли в контексте учебного пособия вызывает меньше доверия и выглядит как обывательский, а не профессионально сформулированный. В паре *b* утверждение *b.1* четче оформлено структурно (одно простое предложение в сочетании с лаконичностью, свойственной научному регистру), содержит элементы книжной речи (*becalming, soothing*), часто ассоциирующейся с тематически и профессионально ориентированной сферой употребления. Аналогичная тенденция прослеживается в паре *c*, в которой решительный выбор информантов в пользу авторской формулировки (*c.1*)

обусловлен содержащейся в ней нейтральной лексикой, а также стереотипным представлением о развернутости суждения в научном дискурсе, в противовес максимально свернутой и типичной для разговорной речи структуре высказывания *c.2*, вербализованного в виде бытового фразеологизма и ассоциируемого в сознании говорящих с народным, донаучным/внеаучным знанием.

3. Почти равное распределение голосов в паре *d* можно интерпретировать в таком же ключе: выбор 46% респондентов (23 голоса) тестового утверждения *d.2* определяется наличием компактности/лаконичности высказывания в сочетании со специфической, неразговорной (в данном случае книжной – *imbalance, imperfection*) лексикой производит впечатление логически обоснованного суждения, отражающего истинное положение вещей.

Общий вывод по результатам онлайн-анкетирования – стилевой регистр можно считать решающим фактором в формулировке пропозиции и аргументации пресуппозиции.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критический подход к прочтению текстов НЛП позволяет правильно интерпретировать прагматические установки коммуникатора. Несмотря на старания ряда экспертов из данной области отстоять академичность психологических практик такого рода, в данной профессиональной области наблюдается несформированность методологической базы, пестрота применяемых стратегий и тактик, равно как и признание самими авторами курсов несоответствия этого направления требованиям, предъявляемым к классической научной деятельности, а также отсутствия необходимости выработки такого соответствия. Отход от академического способа формализации и сообщения знания вызван функциональной обусловленностью этого практического направления и его ориентацией на широкую аудиторию, что в конечном счете определяет формат дискурсивной практики, ее содержательные и ценностные качества.

Вариативность взглядов и интерпретаций сущностных характеристик НЛП указывает не только и не столько на отсутствие единых концептуальных основ, сколько на интенциональность манипуляции этими характеристиками с целью успешной реализации отдельно взятой стратегии или курса. Ориентация на массового читателя предопределяет коммерциализацию продукта, построение коммуникации в контексте товарно-рыночных отношений и соответствующей риторики. Данный подход выражается в том числе через уклонение от четко обозначенного идеологического позиционирования и однозначности трактовки утверждений. Посредством различных манипулятивных приемов читатель переориентируется на поиск и формулировку личных смыслов в утверждениях, внешне замаскированных в виде аксиоматичных пропозиций. Прагматический эффект состоятельности и обоснованности утверждений (а вместе с ними и авторской концепции) достигается за счет стилевой адаптации дискурса под дискурс научно-учебного формата.

Таким образом, на основании критического анализа дискурса НЛП это направление можно определить как общественно-социальную практику гибридного качества, что не позволяет в таком случае приписывать ей свойства институциональности и аутентичности. С другой стороны, такая характеристика дискурса говорит о его соответствии превалирующим сегодня общественно-культурным тенденциям постмодернистского толка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: От познания к действию. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 184 с.
2. Белянин В.П. Нейро-лингвистическое программирование и обучение иностранным языкам // Московский психологический журнал. 2004. № 1. Электронный ресурс: <http://magazine.mospsy.ru/nomer1/b3.shtml> (дата обращения: 05.12.2019)
3. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Том 23, № 1. С. 131-148.
4. Ворошилова А.А. Антология научных исследований в области манипуляции сознанием: монография. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2007. 108 с.
5. Ежова Н.Н. Краткий справочник практического психолога. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. 318 с.
6. Елецкая Е.А. Методы и приемы НЛП и как они работают. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 249 с.
7. Ковалев С.В. Введение в современное НЛП. Психотехнологии личностной эффективности. М.: Московский психолого-социальный ин-т: Флинта, 2002. 512 с.
8. Ксенчук Е.В. Системное мышление. Границы ментальных моделей и системное видение мира. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2011. 368 с.
9. Моисеева Л.В. НЛП в обучении иностранному языку // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА (выпуск двадцать пятый). Оренбург, 2015. С. 187-194.
10. Николаев Н.С. Применение НЛП для повышения качества образования // Череповецкие научные чтения – 2014: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 3 ч. Ч. 2: Педагогика, психология, методика преподавания. – Череповец: ЧГУ, 2015. С. 172-174.
11. Обухова Ю.В. и др. Современная практическая психология в обеспечении ресурсов самореализации личности: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. 305 с.
12. Прокопьева Е.В. Динамика представлений о себе в процессе обучающего НЛП-тренинга // Северо-Кавказский психологический вестник. Ростов-на-Дону: ООО «Кредо», 2008. № 6/1. С. 88-92.
13. Скородумова О.Б., Шпиз Е.Г. Современные дискуссии о статусе НЛП: перспективы и риски // Modern Science and Technology: сборник статей Международной научно-практической конференции (13 мая 2019 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2019. С. 52-59.
14. Смолова Л.В. Психологическое консультирование. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2017. 416 с.
15. Таирова М.Р. Риторические приемы, используемые в языковых оценочных манипулятивных практиках // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону: Южный фед. ун-т, 2011. № 5. С. 116-123.
16. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. СПб: Наука, 2004. 127 с.
17. Cambridge Online Dictionary. Электронный ресурс: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 05.12.2019)
18. Collins Online Dictionary. Электронный ресурс: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 05.12.2019)

19. De Fina A., Johnstone B. Discourse Analysis and Narrative // *The Handbook of Discourse Analysis*. 2nd ed. Vol. 1. Chichester: Blackwell Publishers, 2015. Pp. 152-167.
20. Mayr A. Institutional Discourse // *The Handbook of Discourse Analysis*. 2nd ed. Vol. 2. Chichester: Blackwell Publishers, 2015. Pp. 755-774.
21. O'Connor J. *The NLP Workbook. The Practical Guidebook to Achieving the Results You Want*. London: HarperCollinsPublishers, Element, 2002. 294 p.
22. Sornig K. Some remarks on linguistic strategies of persuasion // *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse / Interdisciplinary Approaches to Language, Discourse and Ideology*, vol. 7. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Comp., 1989. Pp. 95-113.
23. Van Dijk T.N. *Critical Discourse Analysis // The Handbook of Discourse Analysis*. 2nd ed. Vol. 1. Chichester: Blackwell Publishers, 2015. Pp. 466-485.

REFERENCES

1. Baksansky, O.E., Coucher, E.N. (2007) *Kognitivno-sinergeticheskaya paradigma NLP: Ot poznaniya k deistviyu* [Cognitive and Synergetic Paradigm in NLP: From Learning to Action]. Moscow: LKI Publ. (in Russian)
2. Belyanin, V.P. (2004) Neuro-lingvisticheskoye programmirovaniye I oboucheniye inostrannym yazykam [Neuro-linguistic Programming and Foreign Language Teaching]. *Moscowskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 1. Retrieved from: <http://magazine.mospsy.ru/nomer1/b3.shtml> (accessed: 05 December, 2019). (in Russian)
3. Brousensskaya, L.A., Koulikova, E.G. (2019) Imitatsionnost, informativnost I fatika v zhanrakh goumanitarnogo nauchnogo diskursa [Imitation, Informational Value and Phatic Communication in the Genres of Academic Discourse]. *Russian Journal of Linguistics*, 23, № 1. Pp. 131-148. (in Russian)
4. Voroshilova, A.A. (2007) *Antologiya nauchnykh issledovaniy v oblasti manipulyatsii soznaniyem* [Anthology of Scientific Studies in the Field of Mind Manipulation]. Krasnoyarsk: Siberian State University of Science and Technology. (in Russian)
5. Yezhova, N.N. (2014) *Kratkiy spravochnik prakticheskogo psikhologa* [Quick Reference Book of the Psychologist]. Rostov-on-Don, Russia: Pheniks. (in Russian)
6. Yeletskaya, Ye.A. (2009) *Metody I priyemy NLP i kak oni rabotayut* [Methods and Techniques of NLP and How They Work]. Rostov-on-Don, Russia: Pheniks. (in Russian)
7. Kovalyov, S.V. (2002) *Vvedeniye v sovremennoye NLP. Psikhotekhnologii lichnostnoy effektivnosti* [Introduction to Modern NLP. Psychotechnologies of Personal Efficiency]. Moscow: MPSU. (in Russian)
8. Ksenchouk, Ye.V. (2011) *Sistemnoye myshleniye. Granitsy mentalnykh modeley i sistemnoye videniye mira* [Systemic Thinking. Mental Models Limits and Systemic Outlook]. Moscow: Delo Publ. House of RANEPА. (in Russian)
9. Moiseyeva, L.V. (2015) NLP v obouchenii inostrannomu yazyku [NLP in Foreign Language Teaching]. In *Troudy Orenbourgskogo institute (filiala) MGYuA, issue 25: proceedings* (pp. 187-194). Orenbourg, Russia. (in Russian)
10. Nikolayev, N.S. (2015) Primeneniye NLP dlya povysheniya kachestva obrazovaniya [Using NLP to Improve the Quality of Education]. In *Cherepovetskiye nauchnyye chteniya 2014: Russian Research and Practice Conference, Vol. 2: proceedings* (pp. 172-174). Cherepovets, Russia: Cherepovets State University. (in Russian)

11. Oboukhova, Yu.V. (2016) *Sovremennaya prakticheskaya psikhologiya v obespechenii resursov samorealizatsii lichnosti* [Modern Applied Psychology For Providing Resources For Personal Fulfilment]. Rostov-on-Don, Russia: SFedU. (in Russian)
12. Prokopieva, Ye.V. (2008) *Dinamika predstavleniy o sebe v protsesse obouchayutcheho NLP-treninga* [Dynamics of Self Perception in the Course of NLP-training]. *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskiy vestnik*, 6/1. Rostov-on-Don, Russia: Kredo Publ. Pp. 88-92. (in Russian)
13. Skorodoumova, O.B., Shpiz, Ye.G. (2019) *Sovremennyye diskoussii o statuse NLP: perspektivy i riski* [Current Debates on NLP Status: Perspectives and Risks]. In *Modern Science and Technology: International Research and Practice Conference, May 13th 2009: proceedings* (pp. 52-59). Petrozavodsk, Russia: «Novaya nauka». (in Russian)
14. Smolova, L.V. (2017) *Psikhologicheskoye konsultirovaniye* [Counseling]. 3rd ed. Moscow: Flinta: Nauka. (in Russian)
15. Tairova, M.R. (2011) *Ritoricheskiye priyemy, ispolzouemyye v yazykovykh otsenochnykh manipoulyativnykh praktikakh* [Rhetorical Techniques In Verbal Evaluative Practices of Manipulation]. *Goumanitarnyye i sotsialno-ekonomicheskkiye nauki*, iss. 5. Rostov-on-Don, Russia: SFedU. Pp. 116-123. (in Russian)
16. Chernyavskaya, V.Ye. (2004) *Interpretatsiya nauchnogo teksta* [Interpreting Scientific Text]. St Petersburg: Nauka. (in Russian)
17. Cambridge Online Dictionary. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 05.12.2019)
18. Collins Online Dictionary. Retrieved from: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 05.12.2019)
19. De Fina, A., Johnstone, B. (2015) *Discourse Analysis and Narrative*. In Tannen, D., Hamilton, H.E., Schiffrin, D. (Eds.). *The Handbook of Discourse Analysis. 2nd ed. Vol. 1.* (pp. 152-167). Chichester, UK: Blackwell Publishers.
20. Mayr, A. (2015) *Institutional Discourse*. In Tannen, D., Hamilton, H.E., Schiffrin, D. (Eds.). *The Handbook of Discourse Analysis. 2nd ed. Vol. 2* (pp. 755-774). Chichester, UK: Blackwell Publishers.
21. O'Connor, J. (2002) *The NLP Workbook. The Practical Guidebook to Achieving the Results You Want*. London, UK: HarperCollinsPublishers, Element.
22. Sornig, K. (1989) *Some remarks on linguistic strategies of persuasion*. In Wodak, R. (Ed.) *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Interdisciplinary Approaches to Language, Discourse and Ideology, vol. 7* (pp. 95-113). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Comp.
23. Van Dijk, T.N. (2015) *Critical Discourse Analysis*. In Tannen, D., Hamilton, H.E., Schiffrin, D. (Eds.). *The Handbook of Discourse Analysis. 2nd ed. Vol. 1* (pp. 466-485). Chichester, UK: Blackwell Publishers.

ACADEMIC AUTHENTICITY OF NEURO-LINGUISTIC PROGRAMMING AS A DISCURSIVE PRACTICE

Yuri V. Gilyasev

Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

sweatled@front.ru

Neuro-linguistic programming (NLP) is considered to be one of the socially valued practices whose conceptual and methodological grounds can be articulated when seen in the light of its discursive representation. Characterization and evaluation of this area in applied psychology

proceeds through analysis of expert standpoints and views rendered in secondary sources where they express the conformity level of the discourse in question to academic standards existent in psychology as a theory. Special attention is given to the propositional expression of the ideas defining NLP studies as well as to the exposure of presuppositional attitudes of the NLP expert whose textbook is under discussion in the article. The logical correctness and validity of those presuppositions are analyzed in relation to their adequate representation of scientific or mass worldview. After having exposed the author's intentions one can state the pragmatic strategy and ideology pursued by the NLP expert in the textbook alongside with the identity of NLP as a discursive and social practice, its position among other discursive practices. The results obtained after the analysis of a particular piece of NLP discourse are congruent with the current trends typical of postmodernist consumerist society. Characteristic postmodernist ways to organize verbal interaction – in particular, forms of discourse imitation, its variation and hybridization – are found in the examples provided. A practical workbook on NLP in English was taken as a source for evidence. Critical discourse-analysis (CDA) served as the guiding approach to the problem, which was realized at some points of the study as contextual analysis, definitive analysis, interpretation method, statistical procedures altogether with quantitative estimation.

Key words: discourse analysis, neuro-linguistic programming, NLP, discursive practice, applied psychology, speech strategy, speech pragmatics